

15. НАРБ. – Ф. 325. – Воп. 1. – Спр. 225. – Л. 1.
16. НАРБ. – Ф. 468. – Воп. 1. – Спр. 5. – Л. 1-7, 10.
17. НАРБ. – Ф. 468. – Воп. 1. – Спр. 7. – Л. 7-8, 10.
18. Сідарэвіч А. Антон Луцкевіч: ад краёвасці да незалежнасці (1916–1918) (агляд крыніцаў БДМЛМ) / А. Сідарэвіч // *Архіўныя чытанні I–III. Складальнікі: Г.В. Запартыка і інш. / Матэрыялы навуковай канферэнцыі 2003–2005 гг. – Вып. 1. – Мінск: РІВШ, 2006. – С. 209–222.*
19. Турук Ф. *Белорусское движение: очерк истории национального и революционного движения в Беларуси* / Ф. Турук – М.: Гос. изд-во, 1921. – 144 с.
20. Хомич С.Н. *Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершённой этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo* / С.Н. Хомич – Мінск: Экономпресс, 2011. – 415 с.
21. Ціхаміраў А.В. *Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.)* / А.В. Ціхаміраў – Мінск: Экаперспектыва, 2003. – 399 с.
22. *Часопіс Міністэрства Беларускіх Спраў. – 1919. – № 1.*
23. *Часопіс Міністэрства Беларускіх Спраў. – 1919. – № 2.*

ВЕЛИКИЙ РАЗРУШИТЕЛЬ ИЛИ ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР? (К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ РОЛИ ПЕТРА I В ИСТОРИИ РОССИИ)

Богданович А.И., канд. ист. наук, доцент

В исторической науке и общественном мнении с конца XVIII в. до настоящего времени существуют диаметрально противоположные оценки как личности Петра I, так и его роли в истории России. В официальной российской историографии его принято считать одним из наиболее выдающихся государственных деятелей, которые определили направление развития России не только в XVIII, но и в следующие века. Однако многие историки прошлого, а также многие современные исследователи высказывали и высказывают критические оценки его деятельности, обвиняя Петра I в том, что он нарушил естественный ход развития российской истории, насаждал

чуждую русскому менталитету западную идеологию и культуру, в итоге его деятельность отрицательно сказалась на исторических судьбах русского народа, его менталитете и культуре. В данной статье мы попытаемся обобщить весь спектр оценок деятельности этого бесспорно выдающегося человека и государственного деятеля.

М.В. Ломоносов, Ф. Вольтер, С.М. Соловьев С.Ф. Платонов пишут о Петре I восторженно [1]. Они высоко оценивают его преобразования. Советские историки Н.И. Павленко, Е.В. Тарле, Н.Н. Молчанов, В.И. Буганов [2] рассматривают деятельность Петра I с классовых марксистских позиций, но, тем не менее, дают высокую оценку его деятельности как императора, прорубившего России окно в Европу.

Отрицательную оценку личности Петра и итогам его реформ дали известные историки и публицисты российской эмиграции Б. Башилов и И.Л. Солоневич [3]. По их мнению, итогом деятельности Петра стал разрыв между руководящей элитой общества и народом, денационализация первой и порабощение второго. Самого Петра они обвинили в самодурстве, жестокости, некомпетентности и даже трусости. Они считают, что Петр I организовал дворянскую революцию или дворянский переворот, благодаря которому дворянство не только сохранило свои права и привилегии, но и расширило их, прежде всего за счёт остальных слоев населения России.

Современные зарубежные и российские историки Р. Пайпс, Е.В. Анисимов и др. также больше склоняются к негативной оценке, они пишут, что, несмотря на введение целого ряда новшеств во все сферы жизни общества и государства, реформы вели к усилению и консервации самодержавно-крепостнической системы в России[4].

Более объективно, на наш взгляд, оценивают петровские реформы и личность Петра I Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, П.Н. Милоков, М.Н. Покровский и некоторые другие историки[5]. Они высказывают резкие, критические, порою отрицательные оценки значения петровских преобразований, хотя и отдают дань традиции дворянской историографии, согласно которой о Петре I было принято говорить только позитивно. При этом позитивные оценки в основном относятся к освоению Россией достижений тогдашней европейской цивилизации.

В средние века Московская Русь твёрдо шла по пути культурного и материального расцвета для всех слоёв общества. Не свернула она с этого пути даже при Иване Грозном и в смутное время. Постепенно значение дворянства и аристократии в государстве уменьшалась, а с ним уменьшались и дворянские права и вольности. Если бы не Пётр I, Московская Русь и дальше шла бы по пути улучшения своего государственного и хозяйственного устройства. Постепенно мирно и без больших потрясений она стала бы свободной и благополучной страной мира.

Монархия в России всегда была ценностью самой по себе. Царское самодержавие поддерживали не столько бояре и дворяне, сколько посадские люди и крестьяне. Об этом свидетельствуют многочисленные факты ее истории: во время пленения татарами Василия Тёмного Московская Русь собрала для выкупа громадную по тем временам сумму в 200 000 рублей (для сравнения, контрибуция России Швеции по Столбовскому миру составляла 20 000 рублей). Во время бегства Ивана Грозного в Александровскую Слободу десятки тысяч посадских людей явились к царю с просьбой о том, чтобы он «государство не оставлял и их на расхищение волкам не давал, наипаче от рук сильных избавлял, а кто будет государевым лиходеем и изменником, – они за тех не стоят, а сами их истребят» [6, с. 127]. Петру I такой гармонии монархии и народа оказалось недостаточно и он превращает Россию в империю, а себя провозглашает императором.

В Московской Руси царю помогала править боярская дума – высший совет, который включал в себе наиболее близких к нему представителей аристократии. С конца XIV в. без думы не обходился ни один государь. В начале XVI в. началась демократизация состава думы. В думу стали вводить людей «худородных», для них был учрежден титул думных дворян. Эта тенденция в особенности усилилась в годы опричнины, когда И. Грозный развязал борьбу с родовитым боярством. Постепенно в государстве усиливается роль делопроизводства – при думе появилась канцелярия, а в ее составе – думные дьяки. Пётр I с начала своего фактического правления придавал все меньшее значение думе, а 22 февраля 1711 г., собираясь уехать на театр военных действий с Турцией, он доверил ведение дел в стране нескольким лицам, назвав их сообщество сенатом. Этот орган уже не имел ничего общего с боярской думой, так как

назначался императором. Таким образом, боярская дума (после ликвидации в XVII в. Земского собора как сословно-представительного органа Московской Руси для обсуждения политических, экономических и административных вопросов), которая придавала власти монарха хотя бы символическую опору на представителей разных слоев общества, была ликвидирована окончательно [6, с. 135].

Так завершилась начатая Петром I в конце XVII в. дворянская революция, в ходе которой ликвидировалась сложившаяся веками система земского самоуправления и земского законодательства, которая, по мнению Л.А. Тихомирова, была значительно демократичнее, чем в передовых европейских странах. Так, например, еще Судебник 1549 г. предписывал представителям общин, что по всему государству, по всем городам, пригородам, волостям и погостам и даже в частных владениях бояр и других землевладельцев должны быть выбраны самими жителями старосты и целовальники, сотские и десятские. Для всех волостей должны были быть написаны уставные грамоты, при помощи которых волости могли бы управляться без государевых заместителей и волостелей [7, с. 304].

«Земская реформа, – пишет В.О. Ключевский – была последним моментом в перестройке местного управления. Она состояла в попытке совсем отменить кормления. То есть, заменить представителей коронной власти – заместителей и волостелей выборными общественными властями, доверив земским мирам (общинам) не только дела уголовной полиции, но и все местное земское самоуправление вместе с гражданским судом» [8, с. 339–339]. П. Милюков пишет о земствах Петербургского образца: «Крестьянство в большей части России не желало считать даже земство своим, ведь позднейшее земство, построенное по Петербургскому, а не по Московскому образцу, было чисто дворянским земством, на котором мужику была предоставлена единственная роль – голосовать "за"» [9, с. 53].

Самоуправления, равного средневековому Московскому, не имела тогда ни одна страна в мире, ведь повсюду к середине или даже до конца XIX в., во всех европейских странах самоуправление носило чисто сословный характер. Реформы Александра II были только очень бледной тенью стародавнего земского самоуправления Москвы [6, с. 205]. Петр I ликвидировал последние остатки этой

системы и установил в России абсолютную самодержавную власть, которая учитывала интересы только своей непосредственной опоры, служилого дворянства – одного слоя российского общества.

Законодательство в эпоху Петра I существенно ужесточалось: если по «Уложению» царя Алексея Михайловича смертная казнь полагалась только за 60 видов преступлений, по современному ему французскому законодательству – за 115, то Петр I ввел смертную казнь более чем за 200 видов преступлений [6, с. 179]. В своей преобразовательной деятельности Петр I исходил из его, безусловно, отрицательного отношения к Московской системе управления. Он не видел в ней никаких положительных сторон и не хотел улучшать московское управление, воспользовавшись тем, что в нём было хорошего, в итоге совершенно упразднил ее и на расчищенной от старого почве начал воздвигать новое. Он последовал совету Лейбница, который рекомендовал ему не медлить с преобразованиями, «не производить их по частям, а сразу и по единообразному плану» [7, с. 319–325].

Как создание «творческого ума одного человека», учреждения Петра I действительно имеют наружную стройность, но несовместимы с интересами и потребностями живых людей, населяющих государство, которое строилось так, что даже сам Петр I все время переправлял своё создание [7, с. 324]. Во главе государственного управления им был поставлен Сенат. Жаловаться на злоупотребления Сената до возвращения царя было запрещено. Компетенция Сената была универсальна. Все управления ему были подчинены. Губернаторы должны были во всём адресоваться к нему. По общей идее «коллегиальности» члены Сената (их в 1711 г. было назначено по числу коллегий 9) имели равные голоса. Так как бывшие приказы, т. е. своеобразные министерства, были перестроены и приобрели вид коллегий, то впоследствии Сенат был составлен из президентов этих коллегий с председательством самого царя [7, с. 325].

Идея коллегий была также подражанием иностранным образцам. Тот же Лейбниц писал Петру I, что хорошее управление может быть организовано только на принципе коллегиальности и сравнивал коллегии с часами, где колёса взаимно приводят в движение одно другое. «Но так как русские не умели обращаться с новым учреждением, то царь выписывал и самих членов коллегии из-за границы. В 1717 г. взяли шведских пленников для службы в колле-

гиях, а вместе с тем русские подьячие посылались за границу для обучения этому делу» [10, с. 140–142]. Вообще Петру I приходилось часто исправлять свою систему. Равенство членов коллегий приводило к бездействию новые учреждения. Личное председательство царя в Сенате оказывалось по большей части невозможным. Поэтому Пётр I ввёл для наблюдения за Сенатом должность обер-прокурора, а за коллегиями – прокуроров, и эти чиновники начали мало-помалу превращаться в настоящих начальников “коллегиальных учреждений” [7, с. 329].

В 1701 г после смерти патриарха Петр I воспрепятствовал избранию нового, а в 1721 г. создал для духовных дел Синод. Сенат вместе с Синодом под главенством царя представляли весь спектр правительственных властей петровской России. В действительности все эти создания «творческого ума одного человека» не имели ничего общего с замыслами своего творца. В своём «духовном коллегииуме» – Синоде Петр проявил особое пренебрежение к самобытным органическим силам. Л.А. Тихомиров писал: «За первое десятилетие, после установления Синода, большая часть русских епископов побывала в тюрьмах, была расстригаема или бита кнутом и т.п. В истории Константинопольской церкви, после турецкого завоевания, мы не находим ни одного периода такого разгрома епископов и такого бесцеремонного отношения к церковному имуществу». Святейший Синод, который заседал под контролем гвардейских офицеров, потом армейских офицеров, потом – чиновников уже не мог быть выразителем голоса русского православия [7, с. 332].

Провинциальное управление было отдано губернаторам и воеводам, которые долго сосуществовали параллельно. Для управления городами в 1724 г. были введены магистраты. Что касается крестьян, то их устройство определялось последовательнее всего всё более возрастающим крепостным правом. Петр I ничем не обеспечил самого союза верховной власти и нации. Он отнял у народа возможность контролировать действия органов управления, подчинил всю нацию не себе, а чиновникам. В этом и состоит суть бюрократии. Он устроил чиновничью республику, которая должна была властвовать над Россией и беспрекословно подчиняться императору. Само собой, что вся эта чиновничья республика действовала в

национальных интересах плохо, расхищала Россию, больше заботилась не о государственных делах, а о личном благополучии.

Этот исключительный бюрократизм разных видов и полное отстранение нации от всякого участия в государственном управлении делают из якобы «совершенных» петровских учреждений нечто в высшей степени «регрессивное», стоящее по сути и по отрицательным последствиям бесконечно ниже учреждений управления Московской Русью.

Наиболее кардинальной реформой Петра I был его Указ о единой наследии, изданный в 1714 г. В итоге огромный фонд поместных земель окончательно сделался собственностью дворянства, а государственно-обязанные крестьяне перешли в частую собственность. Человек, состоящий на службе в московском государстве, имел положение, которое определялась обязанностями, а вовсе не правами. После Петра I у дворянства остались только права. В итоге область крепостного права значительно расширилась, в стране совершился переворот, имевший только отрицательные свойства и последствия [11, с. 294].

В 1722 г. Петр I издал еще один фатальный для России Указ о наследовании царского престола, согласно которому царь передавал свой престол тому, кому захочет. В итоге сразу же после смерти Петра I Россия провалилась в бездну дворцовых переворотов и правления временщиков. Лев Тихомиров по этому поводу сказал следующее: «Монархия уцелела только благодаря народу, который продолжал считать законом не то, что приказал Петр I, а то, что было в умах и совести монархической сознательности народа» [7, с. 337].

Существенно преувеличена роль Петра I и в развитии промышленности. Здесь ему также не удалось создать ничего выдающегося. М.Н. Покровский писал, что в промышленности «...самодержавие Петра, как и в других областях, создать ничего не сумело, но разрушило многое. Из более чем сотни петровских фабрик и заводов до Екатерины дожило не более 10%» [12, с. 79]. Сам способ воздействия Петра I на промышленность был таков, что должен был распугивать, а не привлекать капиталы. Петр I попытался учить капитал, что он должен делать и куда ему следует идти, и выполнял свою работу с энергией и натиском, которые всегда были ему свойственны. У Петра I не было терпения дожидаться, пока

капиталы сами начнут притекать в те производства, на продукцию которых был спрос в Европе (ткачество, шелковые мануфактуры, чугунолитейное производство). Более того, чтобы обеспечить предприятия рабочей силой, он приписывает к ним тысячи крепостных. Подневольный и неквалифицированный труд крепостных не мог создать конкурентную продукцию. Выжить таким предприятиям помогал таможенный протекционизм. Так, например, пошлины на ввозимое железо фактически были запретительными. Указ от 18 января 1721 г., позволивший купцам покупать и присоединять к фабрикам и заводам населенные пункты с жителями, окончательно узаконил это положение вещей. Но если фабрикант мог вести теперь дело руками своих крепостных людей, кто же мешал владельцу крепостных завести фабрику? Это и начинает делать феодальная знать, владеющая тысячами крепостных [12, с. 87].

Реформирование высшего общества раскололо единое народное тело России на две части. Верхняя часть уподобилась так называемым «нормальным странам», под которыми понимались протестантские. Нижняя часть, традиционная Россия, отчаянно боролась за право быть сама собой. В высшей точке раскола элита стала воспринимать язык своей Родины как язык варваров. «Нормальные» люди должны были разговаривать на чужом языке. То же самое можно сказать об одежде, внешнем виде, традициях и прочем. По выражению Достоевского, в России возникает маленький народец, не являющийся ни западным, ни российским. Петербург напоминает колониальную столицу, уставшую от распущенности и пьянства, окруженную туземным населением. Голова общества отделилась от туловища и каждая часть стала жить своей жизнью. Народ считал высший свет чужим, иностранным. Новоявленная знать смотрела на мужчин в грубых портах и на женщин в закрытых сарафанах без декольте, не умеющих говорить по-французски, как на папуасов.

Не столь большим был вклад Петра I и в реорганизацию армии, а тем более в ее победы. Реорганизация армии, то есть, переход от системы милиционной к регулярной системе был начат еще Иваном Грозным и продолжен Алексеем Михайловичем. Он был обусловлен не тем, что русская армия была плохой, а тем, что перед ней были поставлены другие задачи. Москва, закончив свои непосредственно оборонительные операции, стояла накануне перехода к

наступательным войнам – против Ливонии, Польши, Швеции и Турции. Именно поэтому ей понадобилась регулярная и профессиональная армия. В 1681 г., за несколько лет до восхождения Петра на престол, из 164-тысячной московской армии 89 тысяч, т.е. более половины, были переведены на иноземный строй, это значит, были преобразованы в регулярную армию. К концу петровского царствования регулярная армия составляла уже около двух третей всех вооруженных сил страны, но это было, прежде всего, итогом Северной войны, когда в течение более чем двадцати лет солдаты не выходили из строя и когда милиционная армия автоматически превращалась в регулярную [8, с. 59–63].

Военный гений Петра I также не что иное, как миф, который был создан позже дворянскими историками. У Петра I не было полководческого таланта, прежде всего потому, что он по своей натуре был человеком импульсивным и даже панически трусливым. Об этом свидетельствует целый ряд фактов из его биографии: паническое бегство в Троицкий монастырь после получения известия о заговоре Софьи; под Нарвой, возглавляя 35-тысячное войско, Петр I панически бежит от восемнадцатилетнего Карла который имел всего лишь восемь тысяч солдат, бросив на произвол судьбы армию точно так, как бросил свои полки в Преображенском – в результате позорнейшее поражение. Это же повторяется во время Гродненской операции, когда, имея подавляющее преимущество и детально разработанный план операции, он в марте, в самый ледоход, когда шведы не могли перейти Неман, отдает преступный приказ отступить. Русская армия, спустив в реку до ста пушек с зарядами «с большою нуждою», но благополучно, отошла к Киеву [13, с. 51].

Однако «венцом полководческого искусства» Петра I был, конечно, Прутский поход: ничего настолько же позорного Россия не претерпевала никогда за всю свою историю. Если бы расторопный еврей Шафиров не ухитрился «смазать» и визиря, и его пашей, то сидеть бы великому полководцу в «турецком плену» вместе со своей непобедимой после Полтавы армией. А так любезность победителей дошла до того, что они охраняли путь отступления петровской армии [6, с. 217].

Самым любимым детищем, детской игрушкой и барской затеей Петра I был флот. После Петра I русские иногда имели хорошие корабли, почти всегда имели прекрасных моряков, но никогда не

имели приличного флота – ни военного, ни торгового: флот русским был не нужен. Или точнее, в таком размере, в каком он был бы им на пользу, он был им совершенно не под силу из-за проблемы четырех морей. Флот уже не был нужен и к концу петровского царствования, если допустить, что он был нужен раньше. Швеция была разбита на суше. Постройка же его дорого обошлась русскому народу, обернулась тысячами погибших на его строительстве крестьян, огромными расходами и почти полным уничтожением дубовых и других лесов в Воронежской губернии и на Дону.

Даже морские победы Петра I носят такой же сухопутный характер, как носили победы Рима над Карфагеном. Римляне взяли верх на море только тогда, когда изобретением абордажных мостиков перенесли на море методы сухопутной войны. Шведский флот был разбит русскими галерами и русской пехотой, шедшей на абордаж. А парусная премудрость тут была не причем, в особенности в шхерах, где только и можно было применять абордаж. Прибалтика была завоевана сухопутной армией. Карл XII погиб, Швеция надорвалась и сошла с арены. Против кого нужен был Балтийский флот? Против Дании и Англии? С Данией Россия не воевала, а Англия все равно была не под силу, в итоге российский флот просто гнил из-за своей ненужности.

В результате петровских преобразований население было разорено и разбегалось. К 1710 г. убыль населения во многих губерниях, в сравнении с последней допетровской переписью, составляла местами 40%. Как бы не были сомнительны цифры тогдашней статистики (переписи 1710 г. не доверяли уже современники), общее впечатление они дают достаточно определенное. Банкротство петровской системы заключалось не в том, что «ценою разорения страны Россия была возведена в ранг европейской державы», а в том, что, несмотря на разорение страны, эта цель не была достигнута. Иностранцы, состоявшие на русской службе, оценивали могущество петровской империи далеко не так высоко, как иностранцы, смотревшие издали и как позднейшие историки [11, с.294].

Петр I совершил дворянскую революцию, повернул ход развития России на пользу аристократии и дворянства, и именно по этой причине дворянство возвело этому царю тысячи памятников, бронзовых и литературных. Вместе с тем, «великий реформатор» в действительности оказался великим разрушителем, который разрушил

естественный ход истории Московской Руси. Ему удалось создать империю, но так и не удалось поставить Россию в один ряд с ведущими европейскими государствами.

Использованная литература

1. Ломоносов, М.В. Похвальные блаженные памяти государю императору Петру Великому говоренные апреля 26 дня 1755 года // Хрестоматия по истории СССР. – М.: Просвещение, 1989. – С. 123–127; Вольтер. История Российской империи при Петре Великом: в 2 т. – СПб. – Т. 1, 1859. – Т. 2, 1863; Соловьёв, С.М. Сочинения в 18 кн. Книга VII – М.: "Мысль", 1991; Платонов, С.Ф. Полный курс лекций по русской истории / С.Ф. Платонов. – Петроград, 1917.

2. Павленко, Н.И. Петр Первый / Н.И. Павленко. – М.: Молодая гвардия, 1975. – 384с.: Тарле, Е.В. Сочинения: в 10 т. / Е.В. Тарле: Т. 10. Северная война и шведское нашествие на Россию. – М.: Изд-во АН СССР, 1959; Молчанов, Н.Н. Дипломатия Петра Великого / Н.Н. Молчанов. – М.: Политиздат, 1985; Буганов, В.И. Петр Великий и его время; отв. ред. А.П. Новосельцев / В.И. Буганов. – М.: Наука, 1989. – 188 с.

3. Солоневич, И.Л. Народная монархия / И.Л. Солоневич. – Минск: Лучи Софии, 1998. – 508 с.; Башилов, Б. Робеспьер на троне: Петр I – исторические результаты совершенной им революции / Б. Башилов. – М.: Изд-во «Русь», 2004. – 456 с.

4. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М.: Из-во "Захаров", 2004. – 548 с.; Анисимов, Е.В. Государственные реформы Петра Великого / Е.В. Анисимов. – С.-Пб., 1997. – 347 с.

5. Карамзин, Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин. – СПб, 1911. – 567 с.; Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения в 9 т. / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1989. – С. 183–205. – 4 т.; Милуков, П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого / П.Н. Милуков. – СПб, 1905.

6. Солоневич, И.Л. Народная монархия / И.Л. Солоневич. – Минск: Лучи Софии, 1998. – 508 с.

7. Тихомиров, Л.А. Монархическая государственность / Л.А. Тихомиров. – М.: Облиздат, ГОО «Алар», 1998. – 672 с.

8. Ключевский, В.О. Курс русской истории. Сочинения в 9 т. / В.А. Ключевский. Т. 2. – М.: Мысль, 1988. – 447 с.

9. Миллюков, П. Голос минувшего на чужой стороне // Русские записки. – 1926 г. – С. 16 – 87.

10. Соловьёв, С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Книга VII / С.М. Соловьёв. – М.: "Мысль", 1991. – 701с.

11. Шмурло, Е.Ф. История России (862 – 1917 гг.) / Е.Ф. Шмурло. – Мюнхен: Русский мир, 1922.

12. Покровский, М.Н. Петровская реформа. Промышленная политика Петра // Русская история с древнейших времен в 2-х частях. Часть 2 / М.Н. Покровский. – М.: Учпедгиз, 1929. – 478 с.

13. Ключевский, В.О. Сочинения в девяти томах. Т. 4 / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1988 – 398 с.

КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ДЗЕЙНАСЦІ ПРАФСАЮЗАЎ БЕЛАРУСІ Ў СІСТЭМЕ САЦЫЯЛЬНА-ПРАЦОЎНЫХ АДНОСІН У ПЕРЫЯД НЭПа

Дубовік А.А., магістр гіст. навук, выкладчык

Практычнае ажыццяўленне задач рэгулявання сацыяльна-працоўных адносін патрабуе глыбокага аналізу і абагульнення гістарычнага вопыту, набытага прафсаюзамі Беларусі ў гады новай эканамічнай палітыкі (НЭП), калі асобныя ўмовы ў эканамічнай і працоўнай сферах былі падобныя на сёняшнія. З улікам таго, што ў гэты перыяд былі закладзены асновы многіх сучасных форм работы прафсаюзаў, складваліся перадумовы для станаўлення сацыяльнага партнёрства ў працоўнай сферы, вывучэнне праблемы ўдзелу прафсаюзаў у рэгуляванні сацыяльна-працоўных адносін мае не толькі тэарэтычнае, але і практычнае значэнне. У гэтай сувязі актуальным з'яўляецца агляд крыніц па праблеме, вызначэнне іх інфармацыйных магчымасцяў.

Крыніцазнаўчую базу даследавання гісторыі прафсаюзаў Беларусі перыяду НЭПа складаюць самыя разнастайныя дакументы і матэрыялы. Перш за ўсё, гэта нарматыўныя і заканадаўчыя акты. Да іх, у першую чаргу, трэба аднесці Кодэкс законаў аб працы (КЗаП) РСФСР 1922 г., дзеянне якога было распаўсюджана і на тэрыторыю БССР [1]. Найбольшае значэнне маюць наступныя главы Кодэкса: II. Аб парадку найму і дазволу рабочай сілы; IV. Аб калектыўных дагаворах; VII. Аб нормах выпрацоўкі;